

ЕВГЕНИЙ ВЛИНОВ*

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ И ТЕРРОРОМ**

Аннотация: В статье предлагается обобщенный анализ эволюции политических взглядов Бенжамена Констана, а также краткий обзор основных этапов ее рецепции в последние десятилетия, которые привели к существенной переоценке значения его политической философии для европейской мысли. Для европейских и особенно российских читателей Констан длительное время оставался «забытым классиком», историческое значение которого признавалось, однако его влияние на политическую традицию либерализма в значительной степени недооценивалось. На примере важнейшей из его ранних политических работ — «О политических реакциях» (1797), впервые выходящей в русском переводе, показан генезис французского либерализма как возможного «третьего пути» между якобинским террором и идеологией реставрации Старого порядка. Основной акцент сделан на предпринятой Константином попытке понять соотношение между трансформацией политических учреждений и тем, что автор называет «господствующими идеями», то есть установить, каким образом общественное мнение может стать господствующей силой демократического общества.

Ключевые слова: Французская революция, политические учреждения, Б. Констан, политическая реакция, французский либерализм, якобинский террор, реставрация.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-191-204.

ПРИЧИНЫ ПУБЛИКАЦИИ

Публикация перевода работы Бенжамена Констана «О политических реакциях» (*Des réactions politiques, 1797*) на русский язык кажется нам своевременной сразу по нескольким причинам. Во-первых, этот ранний текст является ценным источником генезиса как либеральной мысли в целом, так и его французской разновидности, внимание к которым привлекли работы Мишеля Фуко¹ и Пьера Розанваллона², крайне

*Влинов Евгений Николаевич, д. филос. н., научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), moderator1979@hotmail.com.

**© Влинов, Е. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Речь идет главным образом о курсах в Коллеж де Франс, прочитанных во второй половине семидесятых годов. См. Фуко, Самарская, 2005; Фуко, Дьяков, 2010; Фуко, Сулов и др., 2011.

²Причем самому Констану Розанваллон, с нашей точки зрения, уделяет незаслуженно мало внимания: Rosanvallon, 1985; Rosanvallon, 2004.

важные для понимания политической доктрины «новых левых» в восьмидесятых и девяностых годах XX века. Во-вторых, общая переоценка значения Бенжамена Констан, который долгие годы оставался «забытым классиком» современной политической философии³. В-третьих, его влияние на русскую политическую мысль первой половины девятнадцатого века от лидеров декабристов до Пушкина и Вяземского⁴. Наконец, *last but not least*, именно в этом тексте в качестве примера *reductio ad absurdum* было приведено утверждение «одного немецкого философа» о том, что принцип говорить правду верен при любых обстоятельствах. Этим «немецким философом» был Иммануил Кант, написавший в качестве ответа на него свой знаменитый трактат «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (Кант, Вальденберг, 1994: 256–262)⁵, который неоднократно рассматривался в отечественной философской литературе⁶.

КОСМОПОЛИТ НА СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ:

РАННЯЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА

В отличие от Канта, космополита по убеждениям, в течение жизни практически не покидавшего родного Кенигсберга, Констан, который в «Политических реакциях» предстает горячим патриотом Французской республики, был, если можно так выразиться, космополитом по праву рождения. В предисловии к «Политическим реакциям» он указывает, что его семья «была вынуждена покинуть Францию по религиозным причинам», однако сам он «вернулся на Родину, как только смог», получив вместе с французским гражданством сопутствующие ему политические права. Анри-Бенжамен Констан де Ребек (1767–1830) родился в Лозанне, в семье франкоязычных протестантов, покинувших Французское королевство во время религиозных гонений, его отец — Луи-Арнольд-Жюст

³О переоценке роли Констан, начиная с девяностых годов двадцатого века см. Gauchet, 1997: 11; Todorov, 1997: 9–13; Vincent, 2011: 1–5.

⁴См., например, классическую работу Тынянова: «В показаниях большинства декабристов имя Констана фигурирует как имя одного из идейных учителей» (Тынянов, 1969: 316; см. также: Парсамов, 2001). Ср. знаменитую фразу Пушкина о том, что перевод «Адольфа» Вяземского послужит основой русского «метафизического языка» (Пушкин, 1949: 87). О Пушкине и Констане см. также седьмую главу в биографии Вольперт, 1998.

⁵Хотя точно установлено, что речь идет именно о Канте, непосредственный источник аллюзии остается неизвестным: вторая часть «Метафизики нравов» (1797), с которой ее связывает традиция, была опубликована позднее «Политических реакций». См. прим. к Constant, 1998: 493. См. также: Benton, 1982; Voituzat, 1993.

⁶См., например, специальный номер журнала Логос, 2008, посвященный этому вопросу.

де Констан (1726–1812) был военным на голландской службе⁷. Мать Бенжамена умерла при родах, в детстве один за другим сменялись родственники-опекуны и наставники. Когда Констан-младший подрос, он стал путешествовать по Европе вместе с отцом: короткое время обучался в Университете Эрлангена (1783) и несколько более продолжительное — в Университете Эдинбурга (1783–1785) — учебных заведениях с высочайшей для своего времени репутацией. Учителя отмечали блестящие способности юноши, которые сочетались с эмоциональной неустойчивостью и неспособностью довести начатые проекты до конца. Одним из первых подобных проектов был ответ на знаменитый трактат Эдмунда Берка, направленный против Французской революции, к которому он периодически возвращался в девяностые годы⁸. Как отмечают биографы, политические взгляды молодого Констана были далеки от умеренности: судя по его переписке, он поддерживал революционное правительство и его радикальную политику вплоть до падения Робеспьера в июле 1794-го (Hofmann, 1980: 79–85; Vincent, 2011: 32–36).

Первые годы Революции Констан провел между родной Швейцарией и Брауншвейгским двором, где он, начиная с 1788 года, состоял в чине дипломатического советника. Республиканские симпатии сильно выделяли его на фоне провинциального немецкого дворянства: молодой философ грезит о политической карьере в бурлящей Франции, что становится возможным после падения якобинцев с их доктриной нулевой толерантности по отношению к иностранцам (он получит французское гражданство 21 марта 1797 года, за девять дней до выхода из печати «Политических реакций»). В сентябре 1794 года Констан знакомится с Жерменой де Сталь, дочерью влиятельного швейцарского банкира Жака Неккера и хозяйкой салона, который сыграет немалую роль во французской политике во второй половине девяностых годов. Они становятся любовниками, политическими соратниками и соавторами: именно с подачи знаменитой «мадам де Сталь» Констан опубликует свои первые политические статьи в журнале «Национальный и международные политические новости» в июне 1795 года (Constant, 1998: 269–288). В этот критический для молодой республики момент Жермена де Сталь и Констан оказываются близки к кругам «умеренных» (Сийес и Баррас), поэтому неудивительно, что первое политическое сочинение

⁷О ранних годах Констана см. Hofmann, 1980: 30–48; Vincent, 2011: 17–38.

⁸О проекте см. Constant, 1998: 239. Как показывает Бьянка-Мария Фонтана, в зрелые годы Констан был куда менее критичен по отношению к Берку (Fontana, 1989: 35).

Констана направлено в поддержку действующего правительства Директории и носит характерный заголовок «О силе текущего правительства и о необходимости его поддержки» (*De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier*, 1796) (Constant, 1998: 319–380). Политические противники⁹ немедленно обвинили его в «макиавеллизме», и, стоит признать, его дальнейшая политическая карьера дает основания для подобной оценки¹⁰. Несмотря на гневное обличение «произвола» в его следующей работе, которой и станет публикуемый нами в сокращенном виде трактат «О политических реакциях», Констан последовательно поддержит перевороты 18 фруктидора и 18 брюмера. Вынужденный покинуть Францию по приказу Наполеона, Констан обрушивается на его «тиранию» в своей работе «О духе завоеваний и об узурпации в их соотношении с европейской цивилизацией» (*De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leur rapports avec la civilisation européenne*, 1814)¹¹ для того, чтобы во время Ста дней вернуться в Париж и по его просьбе приступить к редактированию конституции. После поражения Наполеона Констан в составе делегации переговорщиков, заслужив прощение новых властей, становится лидером либеральной оппозиции. Несмотря на высочайший авторитет у современников, мнение ближайших потомков о его политических метаморфозах было куда менее снисходительным, хотя, как замечает Марсель Гоше, его политический «арривизм» и частая смена лагерей в итоге были не слишком дальновидной стратегией (Gauchet, 1997: 13).

Нам кажется, что объяснение подобного оппортунизма, который все же не стоит путать со столь часто приписываемым ему макиавеллизмом, можно найти именно в «Политических реакциях», где он в самом прямом смысле слова возведен в принцип. Хотя текст «Политических реакций» был широко известен в XIX в., сегодня он не входит в состав констановской вульгаты и редко печатается в стандартных сборниках его политических работ¹². Мы намерены исправить эту несправедливость, представив частичный перевод этой работы русскому читателю.

⁹В их числе был Жозеф де Местр, чья знаменитая работа «Рассуждения о Франции» (1796) была направлена именно против трактата Констан. См. Местр, Абрамова, 1997.

¹⁰Ответом критикам стало продолжение «Политических реакций» — «Об эффектах террора», опубликованное уже в апреле 1797 года (Constant, 1998: 507–530).

¹¹См. особенно вторую часть этой работы (Constant, 1997: 181–302).

¹²Он отсутствует как в упомянутом собрании под редакцией Гоше, так и в английском переводе в престижной серии Cambridge Texts in the History of Political Thought (Constant, Fontana, 1988).

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ:
КОНСТАН И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Основную идею своего трактата Констан формулирует в нарочито парадоксальной форме: «...никогда не было никаких революций в прямом смысле слова». Динамика политической жизни общества зависит от соответствия «учреждений» (institutions) «господствующим идеям» (idées regnantes), и революция как насильственный акт является лишь естественным восстановлением этого равновесия. В тех случаях, когда революция выходит за пределы того, что Констан называет «господствующими идеями», она естественным образом вызывает «реакцию», которая выполняет аналогичную функцию восстановления равновесия, возвращая революцию в рамки, отведенные ей этими идеями. Как революция, так и реакция служат восстановлению своеобразного *adequatio rei et intellectus*. В том случае, если революция восстанавливает это соответствие (в качестве примера Констан приводит революции в Голландии или США), то они не вызывают реакций. Однако, английская и французская революции, которые справедливо, с точки зрения современного им общества, требовали отмены «напизма» в первом случае и «привилегий» — во втором, вышли за пределы господствующих идей, как только посягнули на королевскую власть в Англии (диктатура Кромвеля) и частную собственность во Франции («заговор равных» Бабефа).

Между учреждениями и идеями не существует никакой «предустановленной гармонии», однако реакция также не является идеальным регулятором этого соответствия: она, в свою очередь, стремится «выйти за пределы» господствующих идей в обратном направлении, восстановив учреждения Старого режима. Основную причину этой чрезмерной реакции Констан вслед за Жерменой де Сталь¹³ видит в человеческих страстях. Месть за преступления революционных «террористов», вышедших за пределы идей и рамки закона, заставляет реакционеров прибегнуть к «произволу» (arbitraire) и обрушить свою ярость не просто на людей, а на справедливые идеи, которыми они злоупотребляли. В этом случае реакция вместо того, чтобы регулировать соответствие между идеями и учреждениями, запускает порочный круг мести. Именно поэтому, предупреждает Констан, постреволюционное правительство, желающее добиться легитимности, должно руководствоваться двумя принципами: воздерживаться от реакций против идей

¹³См. опубликованную в 1796 году работу «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (Сталь, Гречаная, 1980).

и отказаться от произвола. Глава «О произволе» — одно из первых в европейской литературе рассуждений об опасности революционного волюнтаризма. При этом, уточняет автор «Политических реакций», произвол необходимо отличать от жесткости правительства в том случае, если оно четко следует установленным правовым нормам (если революция их не устанавливает, то в этом случае она не соответствует «господствующим идеям» и, следовательно, нелегитимна). Оригинальность «умеренной» позиции Констан состоит в том, что, в отличие от консерваторов, он, во-первых, не считает, что произвол непосредственно связан с революционными идеями, а во-вторых, убедительно показывает, что революционный произвол оказывается заразительным, и реакционеры прибегают к нему для восстановления учреждений, соответствующих «старым предрассудкам». Поэтому потребуются «самые тщательные меры предосторожности и исключительная бдительность, чтобы воспрепятствовать возрождению привилегий».

Кто или что в таком случае определяет эти границы «господствующих идей», в рамках которых должны оставаться революция и реакция? Констан полагает, что это «друзья свободы», которые при помощи Просвещения разъясняют гражданам и, что особенно важно, правительству принципы, которым должны соответствовать политические учреждения. В этом смысле Констан разделяет позиции просвещенческого прогрессизма, что подтверждает аллюзия на программную работу Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» 1795 года (Кондорсе, Шапиро, 2011) в ключевом месте «Политических реакций». Констан трезво оценивает политическую ситуацию начала 1797 года и прекрасно понимает, что «господствующими идеями» текущего момента может быть желание вернуть стабильность политической системы путем восстановления учреждений, существовавших при монархии (в психологическом анализе ностальгии по прошлому уже угадывается почерк будущего автора «Адольфа»). Но сильное правительство не должно стремиться к выполнению воли «ускользающего большинства»: если страх перед революционным террором и жажда мести могут сделать господствующим настроением в обществе ностальгию по прошлому, они не смогут принципиально изменить естественное стремление человечества к совершенствованию, чеканную формулу которого он выведет тридцать лет спустя: «Способность человеческого рода к совершенствованию есть не что иное, как стремление к равенству» (Constant, 1997: 714). Настанет момент, пророчески замечает Констан,

когда восстановленные учреждения снова перестанут соответствовать «идеям», и будет запущен порочный круг революций и реакций.

При этом, уточняет автор «Политических реакций», «друзья свободы» не имеют номинальных полномочий, действуя в рамках «договора между разумом и властью». Подобный договор предполагает взаимные обязательства: власть предоставляет «просветителям» защиту от произвола, а те, в свою очередь, защищают разумные учреждения «силой мнения». Правительство вообще не должно реагировать на мнения граждан, пока они не становятся «конкретным действием», так как в область мысли «никогда не должен вторгаться закон». Именно в этой «экстерриториальности» мысли для закона, а не в пресловутом конституционализме Констана, который в более-менее продуманном виде будет сформулирован только в первые годы Империи¹⁴, мы видим основной либеральный тезис «Политических реакций». Предотвратив «реакции против идей», друзья свободы помогут правительству избежать восстановления прежних учреждений, которые, несмотря на все усилия, не смогут обрести стабильность, поскольку «прогресс человеческого разума» не может быть обращен вспять.

Вопрос конституционного устройства, который будет подробно рассмотрен в зрелых политических работах Констана и принесет ему мировую славу, в «Политических реакциях» трактуется крайне упрощенно. Достаточно, считает их автор, закрепить в конституции несколько базовых политических принципов, которые будут гарантировать основные свободы граждан. В этом отношении Констан, Жермена де Сталь и будущие деятели Директории из ее окружения ориентировались на американскую конституцию, резко критикуя объемные документы, утвержденные в 1791, 1793 и 1795 годах под именем французской конституции. В «Политических реакциях» Констана значительно больше внимания уделяется злоупотреблениям этими справедливыми базовыми принципами, в чем он видит корень всех зол.

Глава «О принципах» может считаться основной теоретической частью трактата. Трактовка принципов в «Политических реакциях» весьма оригинальна: она связана с желанием Констана найти тот самый срединный путь между террором и реакцией и вполне объяснимо привлечет на него обвинения в макиавеллизме как со стороны радикальных республиканцев, так и со стороны монархистов. Хотя справедливость изначальных политических принципов (например, принципа равенства)

¹⁴См. вторую часть уже упоминавшейся работы Этьена Офманна (Hofmann, 1980).

подтверждается прогрессом человеческого разума, их конкретное применение требует практического или «опосредующего» принципа. Как только принцип равенства «брошен в гущу» того или иного политического сообщества, его разрушительный эффект может быть намного сильнее, чем в случае сохранения учреждений, основанных на старых предрассудках. Предрассудки, замечает Констан, имеют то преимущество, что со временем они тем или иным образом приспособляются к самым различным частным интересам, создавая более или менее устойчивое равновесие, тогда как новый принцип задевает «интересы всех и каждого», а способы его применения не ясны. Но проблема «злоупотреблений» и «дискредитации» — именно в отсутствии необходимого «опосредующего принципа»: для его поиска и согласования с учреждениями требуется определенное время и, в худшем случае, один или несколько циклов революционного и реакционного произвола. В каком-то смысле Констан за десять лет до Гегеля отводит негативности роль потенциального двигателя прогресса, хотя в его анализе истории она проявляется скорее контингентным образом¹⁵.

В качестве примера уместного опосредующего принципа Констан уже в «Политических реакциях» называет возможность участвовать в «составлении законов» не прямым способом, а через своих представителей. Сам изначальный принцип, согласно которому подчинение законам предполагает участие в их составлении «верен всегда и при всех обстоятельствах», но опосредующий принцип непосредственного участия в собрании на агоре был верен только для малочисленных политических сообществ древности. Классическую формулировку этот принцип получит в его знаменитой речи «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» 1818 года (Констан, Федорова, 1993), но уже за двадцать лет до этого Констан выступает с критикой «прямой демократии» по Руссо, которая во времена Директории устойчиво ассоциировалась с якобинским террором и обвинительными речами Робеспьера и Сен-Жюста в адрес «врагов народа», узурпирующих общую волю¹⁶.

Схожая картина наблюдается и в области нравственности, где принцип «говорить правду» оказывается верным только в том случае, если он сочетается с подходящим опосредующим принципом («право на

¹⁵О возможных параллелях между Констаном и философией истории Гегеля см. работу Доменико Лосурдо, особенно пятую и шестую главы (Losurdo, 2004).

¹⁶О критике «прямой демократии» по Руссо см. Manin, 2007; Блинов, 2013.

правду есть только у того, кто не использует ее во вред другому»). Подобная трактовка принципов, на наш взгляд, делает изначально бессмысленной любую дискуссию Констан и Канта, так как, во-первых, сложно найти определение принципов, более далекое от кантовского: «...любые сочетания различных сущностей или же событий приводят к определенному результату: если результат всякий раз один и тот же, значит имели место те же самые сочетания. Именно этот результат называется принципом». А во-вторых, согласно Канту, именно политика должна быть «подогнана» (*angepasst werden*) под право (Kant, 1923: 429), тогда как по Констану никакое право невозможно без учреждений, которые являются продуктом «господствующих идей», т. е. сочетанием универсальных и опосредующих принципов.

Этому срединному пути, соответствующему программе «умеренных», остается найти политическое определение, и Констан, как считают современные исследователи (Vincent, 2011: 76), первым во Франции произносит слово «либерализм». Хотя сам термин не фигурирует в «Политических реакциях», в текстах Констан он встречается начиная с 1795 года¹⁷, и мы склонны согласиться с теми, кто рассматривает этот ранний трактат как первый набросок будущих «либеральных симфоний» его зрелых лет¹⁸. Либерализм Констан, особенно в его ранней редакции, существенно отличался от того, что понимали под либерализмом в современной ему Британии: в литературе встречаются такие определения как «конституционный либерализм» (Jaume, 1998), «либеральный республиканизм» (Jainchill, 2008), «неореспубликанский либерализм» (Dijn, 2008). В недавней политической биографии Констан Стивен Винсент вполне в духе своего героя склоняется к более «пассионарной» терминологии, используя выражение Джудит Шкляд «либерализм страха» (Vincent, 2011: 15). Учитывая обстоятельства его появления на свет, которые столь убедительно описывает его ранняя работа, можно сказать, перефразируя Гоббса, что французский либерализм родился близнецом якобинского террора. Констан, подобно многим современникам, пытался ответить на вопрос о том, как «завершить» революцию, не возвраща-

¹⁷В статье, опубликованной во Французском Республиканце 24 июля 1795 г., термин употребляется в смысле «благоприятствующий свободе» (*liberté*) (Constant, 1998: 297).

¹⁸По определению Оффманна, который относит их формулировку к первой версии «Принципов политики» 1806 года, тогда как ранее исследователи считали временем формирования десятые годы (Hofmann, 1980: 127).

ясь к прошлому. Ведь именно реакция, как пронизательно замечает Констан, обычно делает ее перманентной.

ТЕКСТ РАБОТЫ

Для перевода использован текст работы, опубликованный в первом томе полного собрания сочинений (*Constant B. Œuvres complètes. T. 1. Écrits de Jeunesse (1774–1799) / sous la dir. de K. Kloocke, P. Delbouille. — Tübingen : M. Niemeyer, 1998.*). Первое издание : *Constant B. Des réactions politiques. — [S. L.] : [s. n.], v (1797).*

Настоящий перевод не включает перевод пятой, шестой и седьмой глав работы, которые на наш взгляд, носят публицистический характер и не представляют существенного теоретического интереса. Мы также не всегда следовали оригинальному разделению на абзацы, так как в нем часто выделены отдельные фразы, что сильно затрудняет чтение.

Источники

- Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия / пер. с нем. Н. Вальденберг // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994. — С. 256–262.
- Кондорсе Ж.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / пер. с фр. И. А. Шапиро. — М. : Либроком, 2011.
- Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей / пер. с фр. М. Федоровой // Полис. — 1993. — № 2.
- Местр Ж. де.* Рассуждение о Франции / пер. с фр. Г. Абрамовой. — М. : РОССПЭН, 1997.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 11. Критика и публицистика / под ред. В. В. Гишпиуса. — М. : АН СССР, 1949.
- Сталь А. де.* О влиянии страстей на счастье людей и народов / пер. с фр. Е. П. Гречаной // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. Дмитриевой. — Московский университет, 1980. — С. 363–374.
- Constant B.* Political Writings / trans. from the French by V. Fontana. — Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
- Constant B.* Écrits politiques / sous la dir. de M. Gauchet. — Paris : Gallimard, 1997.
- Constant B.* Œuvres complètes. T. 1. Écrits de Jeunesse (1774–1799) / sous la dir. de K. Kloocke, P. Delbouille. — Tübingen : M. Niemeyer, 1998.
- Gauchet M.* Préface // Écrits politiques / B. Constant ; sous la dir. de M. Gauchet. — Paris : Gallimard, 1997. — P. 11–110.
- Kant I.* Gesammelte Schriften. In 29 Bde. Bd. 8. — Berlin : Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften, 1923.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинов Е.* Речь как первое установление общества : Руссо и революционная политика языка // Логос. — 2013. — Т. 96, № 6. — С. 67–96.
- Вольперт Л.* Пушкин в роли Пушкина. — М. : Языки русской культуры, 1998. Логос. — 2008. — Т. 68, № 5.
- Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. — М. : Полимед, 2001.
- Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. — М. : Наука, 1969.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Фуко М.* Рождение биополитики : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. Дьякова. — СПб. : Наука, 2010.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном г. / пер. с фр. Н. В. Сулова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011.
- Benton R.* Political Expediency and Lying : Kant vs. Benjamin Constant // Journal of the History of Ideas. — 1982. — Vol. 43, no. 1. — P. 135–144.
- Boituzat F.* Un droit de mentir? Constant ou Kant. — Paris : P.U.F., 1993.
- Constant B.* Des réactions politiques. — [S.L.] : [s.n.], v (1797).
- Dijn A.* French Political Thought from Montesquieu to Tocqueville : Liberty in a Levelled Society. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
- Fontana B.* Benjamin Constant and the Post-Revolutionary Mind. — New Heaven : Yale University Press, 1989.
- Hofmann E.* Les «Principes de politique» de Benjamin Constant. En 2 t. La genèse d'une œuvre et l'évolution de la pensée de leur auteur, 1789–1806 / sous la dir. d'E. Hoffman. — Genève : Droz, 1980.
- Jainchill A.* Reimagining Politics after the Terror : The Republican Origins of French Liberalism. — Ithaca : Cornell University Press, 2008.
- Jaume L.* L'Individu effacé : ou le paradoxe du libéralisme français. — Paris : Fayard, 1998.
- Losurdo D.* Hegel and the Freedom of Moderns. — Durham : Duke University Press, 2004.
- Manin B.* Rousseau // Dictionnaire critique de la Révolution Française: Idées / sous la dir. de M. Ozouf, F. Furet. — Paris : Flammarion, 2007. — P. 458–482.
- Rosanvallon P.* Le Moment Guizot. — Paris : Gallimard, 1985.
- Rosanvallon P.* Le Modèle politique français : la société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours. — Paris, 2004.
- Todorov T.* Benjamin Constant : la passion démocratique. — Paris : Hachette littératures, 1997.
- Vincent S. K.* Benjamin Constant and the Birth of French Liberalism. — London : Palgrave Macmillan, 2011.

Blinov, E. N. 2019. "Respublikanskiy liberalizm Benzhamena Konstana mezhdru reaktsiyey i terrorom [Benjamin Constant's Republican Liberalism Between Reaction and Terror]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 191–204.

EVGENY BLINOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY; RESEARCH FELLOW AT THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

BENJAMIN CONSTANT'S REPUBLICAN LIBERALISM BETWEEN REACTION AND TERROR

Abstract: The article focuses on the general analysis of the evolution of Benjamin Constant's political views and contains an overview of its reception in the last decades. This reexamination resulted in the reevaluation of the impact of his political philosophy on European thought. For European and especially for Russian readers Constant had remained a "forgotten classic", whose historical importance was recognized, although its influence on the political tradition of liberalism had been underestimated. On the example of his important early work "On political reactions" (1797) translated into Russian for the first time, the article analyzes the genesis of the French political liberalism as a possible "third way" between Jacobin terror and the ideology of restoration of the Old Regime. It also scrutinizes Constant's attempt to understand the relation between the political institutions and the "dominant ideas" in a given society in order to establish the firm status of the "public opinion" that is supposed to become the leading force in the democratic societies.

Keywords: French Revolution, Political Institutions, Benjamin Constant, Political Reaction, French Liberalism, Jacobin Terror, Restoration.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-191-204.

REFERENCES

- Benton, R. 1982. "Political Expediency and Lying: Kant vs. Benjamin Constant." *Journal of the History of Ideas* 43 (1): 135–144.
- Blinov, Ye. [Blinov, E.] 2013. "Rech' kak pervoye ustanovleniye obshchestva [Speech as the First Institution of Society]: Russo i revolyutsionnaya politika yazyka [Rousseau and Revolutionary Politics of Language]" [in Russian]. *Logos* 96 (6): 67–96.
- Boituzat, F. 1993. *Un droit de mentir? Constant ou Kant* [in French]. Paris: P.U.F.
- Constant, B. 1988. *Political Writings*. Trans. from the French by B. Fontana. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1997. *Écrits politiques* [in French]. Ed. by M. Gauchet. Paris: Gallimard.
- . 1998. *Écrits de Jeunesse (1774–1799)* [in French]. Vol. 1 of *Œuvres complètes*, ed. by K. Kloocke and P. Delbouille. Tübingen: M. Niemeyer.
- Dijn, A. 2008. *French Political Thought from Montesquieu to Tocqueville: Liberty in a Levelled Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fontana, B. 1989. *Benjamin Constant and the Post-Revolutionary Mind*. New Heaven: Yale University Press.
- Fuko, M. 2010. *Rozhdeniye biopolitiki [La Naissance de la biopolitique]: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [cours au Collège de*

- France (1978–1979)*] [in Russian]. Trans. from the French by A. D'yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Fuko, M. [Foucault, M.] 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Sécurité, territoire et population]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom g. [(1977–1978)]* [in Russian]. Trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Gauchet, M. 1997. "Préface" [in French]. In Constant 1997, 11–110.
- Hofmann, E. *La genèse d'une œuvre et l'évolution de la pensée de leur auteur, 1789–1806* [in French]. In *Les "Principes de politique" de Benjamin Constant*, ed. by E. Hoffman. 2 vols. Genève: Droz.
- Jainchill, A. 2008. *Reimagining Politics after the Terror: The Republican Origins of French Liberalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Jaume, L. 1998. *L'Individu effacé: ou le paradoxe du libéralisme français* [in French]. Paris: Fayard.
- Kant, I. 1923. [in German]. Vol. 8 of *Gesammelte Schriften*. 29 vols. Berlin: Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften.
- Kant, I. 1994. "O mnimom prave lgat' iz chelovekolyubiya [Über ein vermeintes Recht aus Menschenliebe zu lügen]" [in Russian]. In vol. 8 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by N. Val'denberg, 256–262. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- Kondorse, Zh. 2011. *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain]* [in Russian]. Trans. from the French by I. A. Shapiro. Moskva [Moscow]: Librokom.
- Konstan, B. 1993. "O svobode u drevnikh v yeye sravnenii so svobodoy u sovremennykh lyudey [The Liberty of Ancients Compared with that of Moderns]" [in Russian], trans. from the French by M. Fedorova. *Polis*, no. 2.
- Logos [Logos]*. 2008 [in Russian]. 68 (5).
- Losurdo, D. 2004. *Hegel and the Freedom of Moderns*. Durham: Duke University Press.
- Manin, B. 2007. "Rousseau" [in French]. In *Dictionnaire critique de la Révolution Française: Idées*, ed. by M. Ozouf and F. Furet, 458–482. Paris: Flammarion.
- Mestr, Zh. de. 1997. *Rassuzhdeniye o Frantsii* [in Russian]. Trans. from the French by G. Abramova. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Parsamov, V. C. 2001. *Dekabristy i frantsuzskiy liberalizm [Decembrists and French Liberalism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Polimed.
- Pushkin, A. S. 1949. *Kritika i publitsistika [Criticism and Publicism]* [in Russian]. Vol. 11 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by V. V. Gippius. 17 vols. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Rosanvallon, P. 1985. *Le Moment Guizot* [in French]. Paris: Gallimard.
- . 2004. *Le Modèle politique français: la société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours* [in French]. Paris.
- Stal', A. de. 1980. "O vliyaniy strastey na schast'ye lyudey i narodov [De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations]" [in Russian]. In *Literaturnyye manifesty zapadnoyevropeyskikh romantikov [Literary Manifests of Western-European Romantics]*, ed. by A. Dmitriyeva, trans. from the French by Ye. P. Grechanaya, 363–374. Moskovskiy universitet.

- Todorov, T. 1997. *Benjamin Constant: la passion démocratique* [in French]. Paris: Hachette littératures.
- Туньянов, Ю. Н. 1969. *Pushkin i yego sovremenniki* [*Pushkin and His Contemporaries*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vincent, S. K. 2011. *Benjamin Constant and the Birth of French Liberalism*. London: Palgrave Macmillan.
- Vol'pert, L. 1998. *Pushkin v roli Pushkina* [*Pushkin Acts Pushkin*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.